

УДК 140

ДИАЛЕКТИКА СИМВОЛА И МИФА В КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФСКОГО СИМВОЛИЗМА

(А.Ф. ЛОСЕВ, П.А. ФЛОРЕНСКИЙ)

Н.И. Осмонова

Проанализирована концепция русского философского символизма, представленная в оригинальной форме в теории диалектики мифа и символа А.Ф. Лосева и «конкретной метафизики» П.А. Флоренского.

Ключевые слова: философский символизм; символ; миф; диалектика; ноуменальное (духовное); феноменальное (чувственное).

THE DIALECTICS OF SYMBOL AND MYTH IN THE PHILOSOPHICAL SYMBOLISM CONCEPT

(A.F. LOSEV, P.A. FLORENSKY)

N.I. Osmonova

The article is dedicated to analysis of Russian philosophical symbolism concept, which is presented in the original form in the A.F. Losev's dialectics of symbol and myth theory and in the P.A. Florensky's "concrete metaphysics".

Key words: philosophical symbolism; symbol; myth; dialectics; noumenal (spiritual); phenomenal (perceptual).

Философская традиция изучения символа как мифа и мифа как символа, заложенная еще в античности, во все времена находилась в центре внимания и до сих пор не утратила своей значимости, что подтверждается многочисленными работами классиков мировой и современной философской и культурологической мысли. Между тем на сегодняшний день особую актуальность в рамках самых различных наук, и, прежде всего, философии, обретает исследование символа как первоосновы бытия, мышления, личности и культуры, рассмотрение символа как универсального способа объяснения духовной реальности и мифа как символической формы культуры. Это обусловлено целым рядом причин, в частности тем, что символ и миф как универсальные способы духовного освоения мира играют огромную роль в самоопределении человека в изменяющемся мире, формировании его ценностей, идеалов, мировоззрения, тем самым определяя духовный ориентир деятельности современного человека как социокультурного существа. В этой связи значительный интерес в современной научной гуманитарной и философской мысли представляют концепции символизма, такие как философский символизм, символическая антропология, а также символизм как методология исследования, применяемая в структурализме, семиоти-

ке, психоанализе и герменевтике. Однако особое место среди них занимает русский философский символизм, представленный в теории диалектики мифа и символа А.Ф. Лосева и конкретной метафизики П.А. Флоренского, в которых содержится огромный спектр идей, оказавших существенное влияние на формирование представлений о неисчерпаемой смысловой глубине символа, являющегося субстанциональной основой бытия.

Приступая к анализу философского символизма А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского, следует отметить, что «любой форме символизма характерно понимание символического сознания как специфического способа освоения действительности, в качестве его смыслового центра выступает символ, через обладание которым только и возможно понимание. И философский символизм в полной мере использует основное преимущество символического мышления, состоящее в том, что оно представляет знание о мире в форме подвижных образов, каждый из которых обладает множеством значений, восходящих, однако, к одному образу-символу или понятию-притче, содержащих в себе всю полноту смысла» [1, с. 212]. Исходя из этого, специфика философского символизма заключается в том, что он представляет «реальность в качестве реальности символической, где духовное

(ноуменальное) выражено в чувственном и через чувственное (феноменальное). Будучи совмещенными в символе, эти две стороны не смешиваются между собой, их единство выражает конкретную, в каждом случае устанавливаемую связь. В этом смысле символика является искусственной, то есть за ней каждый раз стоит именно искусство создания и пользования символической системой» [1, с. 213].

Оригинальность концепции философского символизма А.Ф. Лосева, вобравшей достижения классической и новейшей философии, начиная от Прокла, Г.В.Ф. Гегеля, В.Ф. Шеллинга и заканчивая Э. Кассирером и Э. Гуссерлем, является применением им диалектического метода исследования. Согласно А.Ф. Лосеву, история философии знает три обстоятельные концепции мифа: первая принадлежит Проклу (который пытался раскрыть диалектику греческой мифологии), вторая – Ф.В. Шеллингу (который отвергал аллегорическое толкование мифа и стремился объяснить миф из его собственной необходимости и, по существу, видел главную задачу мифологии в теогоническом процессе), и третья – Э. Кассиреру. Лосев считал, что концепция Шеллинга очень близка к его собственному символическому истолкованию мифа, но наиболее привлекателен для него подход к мифу Э. Кассирера. «У нас общие с Кассирером, – писал Лосев, – учения о символической природе мифа и об его интеллигентной стихии, отличаемся же мы во многом, и, прежде всего в том, что вместо функционализма Кассирера выставляем диалектику. Это приводит к тому, что все антитезы мифа (кажущееся и истина, внутреннее и внешнее, образ вещи и сама вещь) сливаются в нем в одно тождество логического и алогического, лежащего в основе символа» [2, с. 160].

По определению А.Ф. Лосева, «миф – есть конкретнейшее и реальнейшее явление сущего, без всяких вычетов и оговорок, – когда оно предстает как живая действительность» [3, с. 162]. Миф как проявление сущего есть выражение эйдоса, в отличие от науки, которая выступает как проявление логоса. Другими словами, если эйдос – живая, целостная картина вещи во всей ее диалектичности и антиномичности, то логос – формально-логическое знание о вещи. Единство того и другого – чувственного и рационального, алогического и логического, бессознательного и сознательного – достигается в символе, а символ есть отражение действительности и ее обозначение. Но действительность вечно движется и творчески растет. Следовательно, и символ строится как вечное изменение и творчество. Поэтому «символ живет антитезой логического и алогического, вечно устойчивого,

понятного, и – вечно неустойчивого, непонятного, и никогда нельзя в нем от полной непонятности перейти к полной понятности» [3, с. 93]. И наоборот, никогда нельзя в нем перейти от полной понятности к полной непонятности. В этом смысле символ, согласно представлениям А.Ф. Лосева, является специфической переработкой действительности, а именно ее пониманием и интерпретацией. Познавательная функция символа заключается в том, что в нем мы познаем идею, схватываем полноту бытия, сущего, благодаря чему получаем возможность выхода из нашей субъективности к всеобщему и сущему. В этих характеристиках обнаруживается, по мнению Лосева, довольно точное описание, как сущности символа, так и сущности мифа, ибо «полное явление символа, дано только в мифе», следовательно, «миф – внутренняя жизнь символа, стихия жизни, рождающая ее лик и внешнюю явленность» [3, с. 126]. Миф, таким образом, энергичное проявление сущности наряду с символом, в то же время «в мифе мы находим субстанциональное (или, попросту говоря, буквальное) тождество образа вещи и самой вещи». В соответствии с этим, «всякий миф является символом уже потому, что он мыслит себе общую идею в виде живого существа, а живое существо всегда бесконечно по своим возможностям» [4, с. 142]. Потому мифология, по мнению Лосева, является высшей ступенью познания, ибо в ней осуществляется полное совершенное познание, которое имеет дело с живыми существами и живым миром, помимо всяких абстракций. В этом проявляется природа мифа как символа. Поскольку символы, которые представлены в мифе, не указывают на что-то другое и не отсылают к чему-то другому, они просто в своем чувственном качестве являются чем-то другим. Следовательно, с точки зрения Лосева, миф – это, по существу, символ. Поэтому в мифологических представлениях больше преобладает символизация, нежели действительное отражение реальности. Вместе с тем А.Ф. Лосев отмечает, что «не всякий символ есть миф», а это свидетельствует о том, что сам символ не исчерпывается мифом, ибо функционирование его возможно и вне мифа.

Символ и миф как диалектическое единство, согласно Лосеву, соединяются в третьем – в личности. Личность «есть символически осуществленный миф», ибо «всякая живая личность есть, так или иначе, миф». Личность является мифом не потому, что она личность, а потому, что «она осмыслена и оформлена с точки зрения мифологического сознания» [5, с. 450, 453]. Это означает, прежде всего, то, что личность обладает самосознанием, «интеллигенцией». В этом смысле личность является символом, но не просто символом, а осуществ-

вленным символом и осуществленной «интеллекцией»).

Однако Лосев не ограничивается утверждением о том, что личность является диалектическим единством мифа и символа, а, продолжая свои рассуждения, приходит к следующей заключительной формуле: «...миф есть в словах данная чудесная личностная история» [5, с. 465]. Эта формула состоит из четырех членов: 1) личность, 2) история, 3) чудо, 4) слово. Для более глубокого диалектического раскрытия смысла он производит ее преобразование. Сначала соединяет первый и четвертый члены, затем к ним присоединяет третий и, наконец, второй. Личность самородная, несводима ни на что другое. Поэтому «миф есть слово о личности, слово, принадлежащее личности, выражающее и выявляющее личность», отсюда «личность есть имя» [5, с. 467–480]. В имени, по Лосеву, осуществляется диалектический синтез личности и ее выраженности, ее осмысленности. Имя личности – это то, что имеется в мифе. Таким образом, «миф есть имя... Но миф есть еще и чудо», и после их соединения получаем чудесное имя, имя, говорящее о чудесах, имя, творящее чудеса. Следовательно, «миф есть в словах данная чудесная личностная история» [5, с. 583–590]. Это, утверждает Лосев, максимально простая и насыщенная формула, с помощью которой необходимо рассматривать миф. Исходя из этих позиций, рассматриваемый миф должен раскрыть свое истинное содержание и прояснить свою природу.

Итак, из диалектической концепции мифа и символа Лосева следует, что миф есть сознание личности, которая живет миром как целым, и сознание мира, живущего в целостной личности. И поэтому миф – это видение и сознание постоянного и естественного чуда, а не обыденности. «Любое построение отвлеченной мысли, которое является только отражением действительности, для мифологии является самой действительностью со всеми ее материальными и вещественными свойствами, со всеми ее чувственными качествами, в виде живых существ или неживых предметов», – пишет А.Ф. Лосев и продолжает: «Поэтому всякий миф всегда является чем-то чудесным, фантастическим, магическим и волшебным» [6, с. 458].

В целом, диалектику мифа и символа Лосева схематически можно представить так: Сущее (Первоеднное) – Эйдос – Символ – Миф – Личность – История – Чудо – Слово – Имя.

Краткий анализ работ А.Ф. Лосева, таким образом, свидетельствует о том, что символ есть единство чувственного (образ) и рационального (идея), которое охватывает предмет в его «эйдетической цельности». Следовательно, символ

есть продукт диалектической трактовки феноменологического эйдоса, двуединства эйдоса и его инаковости, который является внешней стороной мифа, а миф, в свою очередь, составляет внутреннюю жизнь символа. Символ и миф как диалектическое единство соединяются в личности, а личность есть имя. Это означает, что имя – личностный символ, ибо формирует внутренний мир и определяет характер отношений человека с внешним миром. Другими словами, имя в известной степени определяет суть и место человека в обществе. Таким образом, заслуга философского символизма А.Ф. Лосева заключается в том, что он не только разработал своеобразную концепцию диалектики мифа и символа, но и исследовал имя как символ, тем самым заложив основу философии имени как центральной и основной части всей философии.

Не менее оригинальной и своеобразной, чем концепция философского символизма А.Ф. Лосева, была попытка проникнуть в диалектику символа, предпринятая русским богословом, философом и филологом П.А. Флоренским, концепция которого была названа им «конкретной метафизикой». Если «метафизика», по Аристотелю, учение, рассматривающее вещи метафизические, духовные, то духовное в учении Флоренского предстает не отвлеченным, а облеченным в явления, в определенный чувственный облик, оно дано конкретно. Конкретность у Флоренского – это, прежде всего, конкретная выраженность духовного в чувственном, ноумена в феномене, то есть символичность. Другими словами, конкретная метафизика – такой вариант философского символизма, где духовный мир максимально уподоблен миру физическому и, в частности, наделен пространственностью. И оба мира не отделены друг от друга, а определенным образом совмещаются. Собственно они образуют один мир, но двойной, двусторонний, и предметы в этом мире – тоже двойные, или двуединой природы: в физическом мире предмет видим зрением, как является, в мире духовном же он созерцается духовным зрением по законам отражения, и потому видится обратным себе, вывернутым. Из этого следует, что эта модель сдвоенных взаимно обратных миров полностью отвечает символической реальности, причем воплощает ее самым прямым способом: стороны символа, явление и смысл, получают друг из друга буквальным «выворачиванием» наизнанку, согласно принципу обратной (символической) перспективы. Подобная версия символизма близка по духу древнему мифологическому мышлению и представляет собой мифологический способ символического восприятия реальности.

В конкретной метафизике Флоренского реальность строится из символов и, следовательно, познается в символах, через символы. Поэтому символы, говорит он, «суть органы нашего общения с реальностью. Ими и посредством их мы соприкасаемся с тем, что было отрезано до тех пор от нашего сознания. Изображением мы видим реальность, а именем – слышим ее» [7, с. 122]. Символы являются таковыми в силу их триединой природы: они чувственны и потому связывают нас с реальностью физической; они сверхчувственны («больше самих себя») и потому соединяют нас с реальностью метафизической; они трансцендентны (исполнены «нездешнего» смысла) и потому соединяют нас с реальностью мистической. Именно через них мы заглядываем в «трещины мироздания», с помощью их прорываем к нему «новые протоки». Поскольку в символе мы познаем идею, всеобщее и сущее, независимое от нас, они также суть «отверстия, пробитые в нашей субъективности... Символы не укладываются на плоскости рассудка, структура их насквозь антиномична, но эта антиномичность есть не возражение против них, а напротив – залог их истинности» [7, с. 122]. Следовательно, согласно Флоренскому, символ в силу своей триединой природы оказывается естественным, органическим воплощением диалектики: в нем имеют место и тезис (мир физический), и антитезис (мир трансцендентный), и их синтез (мир метафизический), то есть, представлены как антиномии, так и их синтез. И здесь позиции Флоренского и Лосева полностью совпадают.

Таким образом, по мнению и Флоренского и Лосева, именно в символе следует искать истоки подлинной диалектики. Поскольку в символе преодолевается антиномичность человеческого мышления и свое полное выражение символ получает в мифе, вследствие чего миф всегда и насквозь символический. Миф и символ, представляя собой диалектическое единство бессознательного и сознательного, сверхъестественного и естественного, иллюзорного и реального, иррационального и рационального, алогического и логического, воплощают в себе мифологический символизм. Основу мифологического символизма, как правило, составляет тождество между предметом и его свойством (целым и частью), между вещью и обозначающим его словом, между человеком и его именем, образом и идеей.

Таким образом, в философском символизме вещи метафизические, духовные рассматриваются особым образом. Так, духовное полагается не отвлеченным в своей идеальности, а имеющим определенный чувственный облик, буквально: обличенным в явления. На этой основе Лосев

и Флоренский формируют символический принцип двуединства духовного (ноуменального) и чувственного (феноменального), согласно которому духовное оказывается полностью выраженным в чувственном. Поскольку духовное и чувственное уподобляются друг другу, мир оказывается сдвоенным, как бы двусторонним, и все предметы в нем также имеют двуединую природу – физическую и духовную. Духовная природа, следовательно, изначально присуща явлениям, а вовсе не приписывается им произвольно человеком в виде смыслов-интерпретаций. Чувственное, в свою очередь, представляет собой полный образ бытия, где заключен не просто какой-то смысл, но вся сущая полнота смысла. А это означает, что нет никакого смысла или смыслов – идей или духовных предметов – помимо тех, что воплощены и явлены. Духовное, ноуменальное всегда выражено в конкретно-чувственном явлении, которое, в свою очередь, имеет смысл. Для А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского именно символ выступает воплощением, аналогом духовной сущности в конкретно-чувственном явлении и, одновременно, выступает посредником между земным, естественным и запредельным, трансцендентным мирами. Именно в символе преодолевается антиномичность человеческого мышления, и, соответственно, он представляет собой единство бессознательного и сознательного, чувственно воспринимаемого и умопостигаемого, иррационального и рационального, образа и идеи, непонятого и понятного, непознаваемого и уже познанного. Поэтому только через символ, который «больше, чем его непосредственный очевидный смысл» мы можем заглянуть в «трещины мироздания» или «лазурь вечности» (П.А. Флоренский), то есть в запредельный, трансцендентный мир смыслов и образов. Более того, по А.Ф. Лосеву, символ в качестве посредника между двумя мирами, позволяет человеку не только преодолеть границы чувственного опыта и проникнуть в сферу трансцендентной реальности, но прежде всего, «он сам по себе раскрывает сакральную, космологическую реальность, чего никакое другое проявление сделать не в состоянии» [8, с. 271]. Между тем, как было отмечено, наиболее полное выражение символ получает в мифе, что делает миф образованием символическим или символическим способом восприятия и объяснения мира мифологическим мышлением.

Таким образом, проведенный нами анализ концепции философского символизма А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского является одной из попыток осмысления проблемы диалектики символа и мифа, которая по смысловой глубине и содержанию является одной из сложных и неисчерпаемых проблем.

Литература

1. Токарева С.Б. Проблема духовного опыта и методологические основания анализа духовности / С.Б. Токарева. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.
2. Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы / А.Ф. Лосев. М.: Соцэклит, 1927.
3. Лосев А.Ф. Философия имени // Из ранних произведений / А.Ф. Лосев. М.: Правда, 1990.
4. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. М.: Искусство, 1976.
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений / А.Ф. Лосев. М.: Правда, 1990.
6. Лосев А.Ф. Мифология / А.Ф. Лосев // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 3. М.: Сов. энциклопедия, 1964.
7. Флоренский П.А. Итоги / П.А. Флоренский // Эстетические ценности в системе культуры. М.: Ин-т философии АН СССР, 1986.
8. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев. М.: Мысль 1993.